

Глава 22. Хмельные думы под стягом Справедливости, пречистый нефрит в стенах Храма Нефритового Источника

В воздухе плыл густой аромат благовоний, по зеркальной глади бирюзового пруда пробегала едва заметная рябь.

Глубоко в горной расщелине притаился маленький даосский храм. На его вратах древней вязью было вырезано название — Храм Нефритового Источника. Спрятанное в самом сердце гор, это место было надежно скрыто от посторонних глаз.

В одной из келий белобородый старец сосредоточенно измерял пульс юноши, которого спасли на краю обрыва. Стоявшие рядом молодые послушники не сводили с наставника глаз, пытаясь по выражению его лица угадать: есть ли у несчастного хоть малейший шанс на спасение?

— Учитель, — не выдержав тишины, прошептал один из них, — он будет жить?

— Удивительно... — Даос нахмурился. — Перед нами совсем ещё юнец, но его тело насквозь пропитано ледяным дыханием — это истинная плоть Инь. Цинсюань, немедля принеси тот линчжи, что мы нашли в горах.

— Слушаюсь, учитель.

Цинсюань выудил из-за пазухи редкий гриб и почтительно протянул его наставнику. Тот удовлетворенно кивнул, поглаживая седую бороду.

— Видно, такова воля Небес! Будь его тело иным, женьшень погубил бы его. Но раз у нас есть этот тысячелетний линчжи, возвращенный в холоде, значит, срок мальчика ещё не пришёл.

— Хвала Небесам! — выдохнули ученики.

— Цинсюань, приготовь отвар по моему рецепту. Линчжи разотри в тончайший порошок — он станет основой для снадобья.

— Будет исполнено!

Когда старший ученик ушёл, наставник обратился к остальным:

— Цинзин, распредели братьев. Будете дежурить у его постели по двое. Как только лекарство будет готово, поможете ему выпить.

— Слушаюсь, учитель. Но... — Цинзин замялся, глядя на окровавленные лохмотья незнакомца.

— Его одежда совсем пришла в негодность. Может, стоит переодеть его?

— Подыщи что-нибудь чистое, — согласился старец. — Но старые вещи не выбрасывай. Сохрани их, они могут пригодиться.

Когда настоятель покинул келью, Цинзин разделил братьев на смены и отправил их отдыхать.

— Сегодня дежури́м мы с Цинсюанем. Остальные — в свои покои, копите силы.

Оставшись один, Цинзин достал простую даосскую рубаху. Переодевая юношу, он лишь диву давался:

«Странно... Парень как парень, а наряжен был в какое-то диковинное платье. Кто же он такой?»

— О чём ты там бормочешь? — раздался голос вошедшего Цинсюаня.

— Ох, напугал ты меня, старший брат! Да вот всё думаю: откуда этот малый? Красив как картинка, миниатюрен, да ещё и аромат от него исходит тонкий, цветочный. А одежда... Ну не носят мужчины такого!

— Какая разница, кто он? — мягко улыбнулся Цинсюань. — Я как увидел его, сразу сердцем прикипел. Лишь бы поправился. А кто он и чей — спросим, когда в себя придёт. Встреча — уже судьба, а остальное приложится.

— Твоя правда, брат.

— Посмотри на обрывки его наряда, на украшения на шее и запястьях. Сразу видно — не из простых.

— Думаешь, сын важного чиновника?

— Вряд ли. Но тайн в нём точно немало. Впрочем, сейчас у нас только одна забота — спасти его жизнь.

Даосы замолчали, глядя на спящего юношу. Каждый в душе молил Небеса о чуде.

Столица. Резиденция командующего стражей, прославленного «Божественного ловца номер один».

Цинь Чжун только что вернулся в поместье. Увидев в гостях Сяо Мэнюаня и Ю Било, он не скрыл удивления:

— Глава Сяо? Девушка Ю? Какими судьбами в столице?

— А вам, великий ловец Цинь, генеральский мундир весьма к лицу! — усмехнулся Сяо Мэнюань.

— Бросьте, — отмахнулся тот. — Какой из меня генерал? Обычный сыщик. Государь в порыве щедрости пожаловал этот титул, чин четвёртого ранга... А на деле всё так же разбираюсь с мелкими делишками.

— Не скромничайте. Удержаться на плаву в таком месте — задача не из легких.

— И то верно. Но скажите лучше: есть новости о господине Мужуне? Я разослал ориентировки по всем уездам, но пока глухо.

— В том-то и дело, — помрачнел Мэнюань. — А-Пяо словно в воду канул. Я разослал жетоны Сюаньтянь всем школам, но вестей нет.

— Неужели за этим стоит «Призрачная тень»? Хотят помешать нам объединить Семь мечей?

— Я тоже так думаю. Потому и пришёл к вам. Нам нужно обсудить план слияния мечей.

— Но как? Без Мужуна Пяо и его меча Свободного Скитания ритуал невозможен.

— Слушайте внимательно. Перед тем как ехать к вам, я заглянул в Дворец Свободного Скитания. Там сейчас всем заправляет одна из приближенных дев, а хранительница Мужун Хунсяо заверила: если А-Пяо не найдётся к сроку, она выставит нового главу, который заменит его в кругу Семи мечей. Так что я пришёл за картой построения.

— За картой? — Цинь Чжун напрягся.

— Секретные формулы у меня, но чертежи построения всегда хранились у преемников меча Справедливости. Значит, они у вас.

— Да, карта у меня, — медленно проговорил Цинь Чжун. — Но я её не отдам.

— Почему? Вы мне не доверяете?

— Дело не в доверии, глава Сяо. Мой род пятьсот лет хранит талисман Справедливости и эти

чертежи. И правила здесь строгие, установленные самим Святым Меча. Чтобы карта увидела свет, нужны три условия: первое — жетон Сюаньтянь, скрепленный моей печатью. Второе — все семь преемников должны быть в сборе. Третье — все семь мечей должны быть на месте. Пока выполнено лишь первое.

— Вот оно как... Значит, без А-Пяо нам не двинуться с места?

— Формально — да. Но если Дворец Свободного Скитания действительно подготовит нового мастера, способного совладать с мечом Свободного Скитания, это может сработать.

— Ясно. Значит, нужно утроить усилия в поисках. Цинь Чжун, вам не кажется это исчезновение... слишком странным?

— Кажется. И я боюсь, что ваше сердце сейчас слишком беспокойно, чтобы мыслить ясно. Остыньте, Сяо Мэнюань. Давайте ещё раз всё взвесим, и, может быть, мы нащупаем след.

— Вы правы. Давайте попробуем разобраться в этом вместе.

— Тогда приглашаю в сад. Там уже накрыли стол. За добрым вином беседа пойдёт лучше.

Ю Било, стоявшая всё это время в стороне, едва не задохнулась от гнева. Она топнула ножкой, провожая мужчин взглядом.

«С тех пор как мы вошли, этот Цинь Чжун едва кивнул мне, а теперь они обсуждают этого Мужуна Пяо так, будто меня вовсе нет! Слепцы! Идиоты! Перед ними — первая красавица, а они пекутся о каком-то мальчишке!»

Но делать было нечего — она покорно побрела следом, надеясь хоть что-то разузнать.

В саду пир подходил к концу. Лицо Цинь Чжуна покраснелось от хмеля, у Сяо Мэнюаня тоже двоилось в глазах.

— Друг мой Цинь, вы пьяны! — расхохотался Сяо.

— Это я-то? — икнул тот. — Это вы перед глазами качаетесь, глава Сяо! Значит, пьяны вы!

— Ха-ха-ха! Пусть так! «Хочу я вечно быть в хмельном дурмане, чтоб горе и печали позабыть...»

— Смешно... Протрезвеете — и печаль вернется.

— Вот если бы А-Пяо был здесь, я бы горя не знал.

— Эх, Мэнюань, вы человек широкой души! За одну вашу искренность готов считать вас братом.

— Знаешь, Цинь... Я ведь ленивый человек. Честолюбия во мне — ни на грош. До сих пор не пойму, почему учитель выбрал меня в преемники Меча Сокровенных Небес. Я вспыльчивый, соображаю туго... Кроме того, что родился я в нужный час и нужный день, никаких других достоинств не вижу.

— Покойный великий герой Сяо был мудр. Он не мог ошибиться.

— Да кто его знает... Я ведь не такой, как вы. Не умею ходить с каменным лицом. Мне бы только шутить да смеяться. Какой из меня союзный глава?

— Брат Сяо, — Цинь Чжун понизил голос, — да я тоже... только вид подаю. Наставник учил: хранитель Справедливости должен быть беспристрастен, следить за всеми семью школами, не давать поблажек. Даже если ошибется великий глава Сюаньтянь — я должен быть суров. Но на деле... я тот ещё любитель влезть в чужие дела. Вот сейчас — поднял на уши все уезды ради господина Мужуна... Узнал бы учитель — в гробу бы перевернулся.

— А-Пяо... где же он... жив ли?

— Брат, не изводи себя. Послушай меня: то, что случилось в Дворце Свободного Скитания, пахнет неладно.

— Ты о чём?

— Эта их хранильница, Хунсяо... Слишком она подозрительна. Мужун Пяо — мастер меча, его техника передвижения безупречна. Чтобы он исчез бесследно, его должен был предать кто-то из своих. Кто-то, кто был рядом и кому он доверял. Эта женщина ведь никогда его не любила, верно? А когда тайна его пола раскрылась, она могла затаить обиду. Ищите предателя не среди призраков, а внутри дворца.

— Твоя правда! — Мэнюань хлопнул по столу. — Цинь, ты не зря лучший ловец! Я сейчас же отправлюсь туда и вытрясу из неё правду!

— Стой! — Цинь Чжун схватил его за руку. — Ты только всё испортишь. Нам нужно пробраться туда тайно. Подглядеть, чем она дышит.

— Но как?

— Проще всего — под видом прислужниц...

Цинь Чжун мельком взглянул на Ю Било. Та вздрогнула, уйдя в свои мысли.

«Всё матушка виновата... Я ведь тоже думала, что Хунсяо темнит, хотела сказать Сяо-гэ... А теперь этот Цинь всё разгадал первым...»

Мэнюань посмотрел на отрешенную девушку и покачал головой:

«Если эта особа сунется во дворец — всё провалит. От неё шума больше, чем пользы. Уж лучше я сам переоденусь служанкой!»

Едва он представил это, Цинь Чжун прыснул чаем, заходясь в кашле от смеха.

— Пошадите, глава Сяо! Если в Дворце Свободного Скитания явится такая «красавица», оттуда все разбегутся в ужасе!

— А что? — обиделся Мэнюань. — Дайте только случай — я вам докажу! А-Пяо в женском платье был чудо как хорош, неужели я буду хуже?

— Мужун Пяо — избранник Небес, нам с ним не тягаться...

— Эх, ладно. Пьем! Неси своё лучшее вино!

— Эй, люди! Ещё пару кувшинов старого вина! Пьем до рассвета!

Ю Било пришла в себя и обнаружила, что оба героя уже мирно храпят, уткнувшись в стол...

Синие горы, глубокая долина у чистого источника. Дом для тех, кто ищет истину среди трав и цветов.

Юноша метался в полузабытьи. Ему чудилось, что из темноты на него снова летит жуткая фигура в чёрном и с призрачной маской вместо лица...

— Не подходи... — простонал он.

Вдруг издалека донеслись звуки мирной, умиротворяющей музыки. Галлюцинации отступили. Пяо почувствовал странный покой и снова провалился в глубокий сон без сновидений.

— Старший брат, уже семь дней прошло, а он всё не очнется! — донесся сквозь дрему чей-то

голос. — Может, с ним что-то не так?

— Не суетись, Цинзин. Учитель сказал — самое страшное позади. Он просто перепуган до смерти. Давай, помоги мне влить в него успокоительный отвар.

Юноша резко открыл глаза. Потолок был незнакомым.

— Брат, он очнулся!

— Слава богу! Я мигом к учителю!

— Где я?.. Кто вы такие?..

— Не бойся, мальй. Это Храм Нефритового Источника. Мы — местные даосы. Наш наставник спас тебя. А ты сам-то кто? Как тебя угораздило повиснуть на сосне над самой пропастью? Скажи, где твой дом, мы тебя проводим.

— Мой дом?.. Я... — Юноша нахмурился. — Я не помню. Совсем ничего не помню.

— Вот беда... — протянул Цинзин. — Память потерял. Как же мы его теперь домой отправим?

— Ну и ладно, — отозвался Цинсюань. — Главное — живой. Может, забыть прошлое — это не самое худшее, что могло с ним случиться.

— Цинсюань, Цинзин, чего шумите? — В келью вошёл белобородый старец.

— Учитель! Он пришёл в себя, но ничего не помнит. Даже своего имени.

— Посмотрим...

Юцюань сел на край постели и коснулся запястья юноши.

— Жар спал, пульс ровный. Кризис миновал. Через пару дней сможешь ходить.

— Учитель... — прошептал юноша. — Куда же мне идти? Мне некуда...

— Откуда пришёл, туда и путь держи.

— Но я не знаю, откуда я! Совсем...

— Я тебе не учитель, — мягко прервал его даос. — Я лишь Юцюань, простой отшельник. И ученики мои — люди простые, невежественные.

— Всё равно... Позвольте мне звать вас учителем. Раз вы спасли меня и привели сюда, не прогоняйте...

— Наставник, смилуйтесь! — вставил Цинзин. — Куда он пойдет такой? Вспомнит всё — сам уйдет, а пока пусть у нас поживет.

— И то верно, — поддержал Цинсюань. — Без памяти в миру пропадет. Приютите его.

— Что ж, — вздохнул Юцюань. — Раз вы оба просите... Путь Дао — в естественности. Чему быть, того не миновать. Оставайся.

— Ура! Наставник разрешил! — обрадовался Цинзин. — Только... не звать же его вечно «малым». Учитель, дайте ему имя!

— У него уже есть имя. Зачем ему другое?

Старец загадочно улыбнулся, глядя на юношу. Тот ответил ему такой же слабой, бледной улыбкой.

— Раз уж вы подарили мне жизнь и кров... Неужто пожалеете для меня слова?

— Эх... — Даос отвел взгляд. — Чистый нефрит, да в мирской пыли... Жаль, право жаль. Что ж, зовись Цинъюем. Пречистым Нефритом.

— Отличное имя! — хлопнул в ладоши Цинзин. — Ну, младший брат Цинъюй, я — Цинзин, второй ученик. Будешь звать меня вторым братом!

— А я Цинсюань, твой старший брат. Если что нужно — только скажи.

— Спасибо вам, братья... — тихо ответил Цинъюй.

— Имей в виду, — строго добавил Юцюань, — я разрешил тебе остаться, но не совершал обряда посвящения. Ты не монах и не обязан следовать нашему пути.

— А если он сам захочет? — подмигнул Цинзин.

— Цинъюй — не для кельи рожден. Узы мира крепки, а грешные страсти ещё не отпустили его сердце. Не найдет он здесь покоя.

Наставник вышел, а братья ещё долго хлопотали вокруг новичка. Цинъюй же слушал их, а в душе его ворочалась тяжёлая, непонятная тоска...

Время в горах летит незаметно.

В обители было шесть молодых даосов, Цинъюй стал седьмым — «маленьким младшим братом». Он исправно пил горькие отвары и быстро шел на поправку, но братья оберегали его так, будто он был из хрусталя и мог рассыпаться от малейшего дуновения ветра.

Жизнь здесь была простой и суровой. С рассветом — молитвы, затем — труд: колка дров, ношение воды, сбор трав и кореньев. Перед полуднем — снова службы, потом скромный обед. После — приготовление лекарств, и так до самого вечера. Иногда даосы спускались в долину, чтобы обменять целебные сборы на рис и овощи.

Цинъюй полюбилась эта тишина. Каждый был занят делом, сама жизнь здесь была служением, и ни у кого не оставалось времени на праздные мысли. Ему хотелось помогать, но он оставался лишь зрителем. Цинсюань заправлял всеми делами, а Цинзин ведал запасами и счетами. Каждый вносил свой вклад, и только Цинъюй чувствовал себя нахлебником.

Однажды, когда Цинсюань вернулся из города, Цинъюй поджидал его у ворот, глядя на петляющую горную тропу.

— Младший брат! — воскликнул Цинсюань, завидев его издалека. — Опять на сквозняке сидишь? Быстро в келью! Куда Цинзин смотрит?

— Я в порядке, брат. Не ругай его, он занят. А мне тоскливо без дела. Ну дай мне хоть какую-нибудь работу!

— Ты ещё слаб. Вот окрепнешь — тогда и поговорим. Нас шестеро здоровяков, неужто не справимся без тебя? Идем внутрь.

Цинъюй понурил голову, но старший брат приобнял его за плечи.

— Ну, не дуйся. Смотри, что я тебе принес!

Цинсюань достал из-за пазухи крупное, ярко-красное яблоко.

— Что это?

— Яблоко! Ты что, яблок никогда не видел?

Цинъюй покачал головой, замороженно глядя на глянцевый плод.

— Откуси. Попробуй, какое оно.

Юноша осторожно прикусил кожицу. В рот хлынул ароматный сок — сладкий, но с едва заметной кислинкой и терпкостью. На мгновение Цинъюй захлестнуло чувство странного, почти забытого счастья.

— Ну как, вкусно? — улыбнулся Цинсюань. — Жизнь, брат, она как это яблоко. Снаружи красиво, а внутри — и сладость, и горечь вперемешку. Что бы ни случилось в прошлом... если ты его не помнишь, может, в этом и есть твоё спасение? Понимаешь?

— Да... — прошептал Цинъюй.

Они вошли в ворота обители. Солнце медленно тонуло за вершинами, окрашивая горы в теплый багрянец, и в этом угасающем свете было столько покоя, что казалось — время и впрямь остановилось.

<http://bllate.org/book/17412/1658786>